

УДК 811.112.2'23

РЕЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ РАСПОЗНАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ПРИ ЕГО ПЕРЕВОДЕ

ХРИПУНОВА Илона Игоревна,кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию проблем перевода художественного текста с когнитивной точки зрения. В заключении делается вывод о разнице и неэквивалентности впечатлений от прочтения оригинального и переводного текстов представителями разных лингвокультур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод, рецепция, аксиологический, ценности культуры, концептуализация, категоризация, импрессивная эквивалентность.

KHRIPUNOVA I.I.,Cand.Philolog. Sci., Senior Lecturer of the Department of German Language,
Voronezh State Pedagogical University

LITERARY TEXT PERCEPTION AND PROBLEMS OF AXIOLOGICAL MEANING RECOGNITION IN THE COURSE OF TRANSLATION

ABSTRACT. The purpose of the article is to describe translation problems of the literary text from the perspective of cognitive linguistics. The author draws a conclusion that impressions of the original and translated texts differ with representatives of different linguocultures.

KEY WORDS: translation, perception, axiological, cultural values, conceptualization, categorization, impressive equivalence.

Художественный текст (далее ХТ) – многомерное, многослойное и полифункциональное системное образование, которому свойственна множественность смысловых интерпретаций. ХТ присуще наличие скрытого смыслового пласта, выраженного как собственно лингвистическими, так и несобственно-лингвистическими средствами.

Любой текст, в том числе и ХТ, позволяет познавать мир во всем его многообразии. С когнитивной точки зрения текст подводит итоги определенного этапа концептуализации и категоризации выбранного в нем фрагмента мира. Несмотря на присутствие каждого ХТ уникальность, он служит источником сведений о концептах, которые сложились к конкретному моменту в той или иной области знания, и о категориях, которые особым образом представляют эти концепты или объединяют их [1, с. 23], т.е. отражает диалектику универсального и специфического, общего и частного.

Исследуя те или иные особенности текстов художественных произведений, которые, несомненно, обладают аксиологическим потенциалом и в которых содержится информация о базовых ценностях культуры, мы пришли к выводу, что для выявления их специфических и универсальных характеристик необходимо обратиться к переводам анализируемых художественных текстов на русский язык. Это дает нам определенные преимущества: встреча двух культур позволяет выявить определенные элементы, которые, возможно, не обнаружили бы себя, если бы исследование проводилось в рамках одной культуры. В процессе восприятия иноязычного ХТ исследователь как реципиент и интерпретатор не-

осознанно проводит параллели со своей собственной культурой, поэтому он способен рассмотреть то, что воспринимается как должное и не кажется значительным носителем исходной культуры.

Переводчик точно так же, как и читатель, является интерпретатором текста и при чтении текста руководствуется своей культурной памятью, неотделимой от культурной памяти его народа [2]. Однако переводчику как профессиональному читателю отводится роль посредника культур, своеобразного «информационного фильтра», поэтому его задача – работать передаточным звеном информации как фактической, так и эстетической.

Мы убеждены, что перевод ХТ – это не создание нового произведения. Переводчик должен попытаться встать на позицию автора и транслировать в иную лингвокультуру не собственное понимание проблем, затронутых создателем ХТ в произведении, а их осмысление писателем. Именно поэтому переводчику необходимо изучить те вехи биографии автора, которые значимы для понимания сути затрагиваемых в его произведениях вопросов, исследовать проблематику его творчества и выявить его жизненное кредо. Важны здесь не только идеи автора, но и их языковое воплощение – выбор лексики, сочетание слов, предпочтение тех или иных синтаксических конструкций и многое другое. Сказанное выше не означает, что мы не осознаем возможности влияния биологических, социальных, индивидуальных характеристик переводчика на процесс и результат перевода. Наоборот, эти факторы обуславливают выбор переводчиком того или иного переводческого решения в каждом конкрет-

ном случае. Последнее связано с тем, что переводчик, работая с ХТ, не может абстрагироваться от себя, т.к. ХТ в силу своих особенностей не может воздействовать на эмоциональную сферу человека, а эмоции, как отмечали, например, К.Э. Изард и С.Л. Рубинштейн, так или иначе влияют на деятельность человека [3; 4]. Тем не менее подчеркнем, что переводчик должен осознавать высокую степень ответственности за полученный результат и соблюдать правила профессиональной этики, поскольку его задача – не выразить себя в тексте перевода (далее ПТ), а **транслировать** идеи автора, передать художественное своеобразие и художественную ценность произведения.

ХТ с нашей точки зрения наиболее труден для перевода, поскольку, помимо общетекстовых категорий, он характеризуется наличием скрытой, имплицитной художественной информации, которая является причиной его принципиальной полиинтерпретируемости, многозначности, неограниченными возможностями понимания [5; 6; 7].

ПТ часто оказываются неравноценными исходному тексту (далее ИТ), несопоставимыми с ИТ по своей иллокутивной силе, поскольку имплицитные смыслы вообще и аксиологические в частности могут не распознаваться представителем другой культуры или же их воспринимают как менее важные. Это приводит к искаженному представлению читателей ПТ об авторе ИТ и в целом о творчестве писателя, препятствуя реализации важнейших функций ХТ – передаче своеобразия подлинника, знакомству иноязычных реципиентов с культурой другой страны, ее ценностями, традициями, пониманием мира.

Так, сравнивая два перевода романа Г. Гессе «Игра в бисер» на русский язык, мы пришли к любопытному наблюдению. Реципиенты действительно могут получить различные представления об одном и том же писателе и/или произведении, основываясь только лишь на текстах, подготовленных **разными** переводчиками. Проиллюстрируем данное наблюдение примерами.

Ist doch gerade das Auslöschten des Individuellen, das möglichst vollkommenen Einordnen der Einzelperson in die Hierarchie der Erziehungsbehörde und der Wissenschaften eines der obersten Prinzipien unseres geistigen Lebens [8, с. 4]. На русский язык данное высказывание передается следующим образом:

ПТ1	ПТ2
Ведь именно изгнание индивидуального и возможно более полное включение личности в иерархию воспитательной коллегии и научного мира есть один из высших принципов нашей духовной жизни [9а]	Ведь один из высших принципов нашей духовной жизни – это как раз стирание индивидуальности, как можно более полное подчинение отдельного лица иерархии педагогического ведомства и наук [9б]

Приведенный пример иллюстрирует различия тема-рематической структуры предложения немецкого и русского языков. В русском языке рема повествовательного предложения находится в конце высказывания (исключение составляют экспрессивные высказывания). В примере из ПТ1 воспроизводится немецкий вариант структурирования предложения с точки зрения его тема-рематического членения, что существенным образом не влияет на смысловое восприятие текста, но ведет к наруше-

нию эстетического воздействия, которое, в свою очередь, является основополагающим в художественном тексте. Мы установили, что примеры из ПТ1, где калькируется свойственное немецкому языку актуальное членение предложения, встречаются довольно часто для того, чтобы можно было говорить об искажении эстетического восприятия текста. Так, об этом свидетельствует проведенный нами опрос среди носителей русского языка, которым предлагалось два варианта перевода на выбор. Предпочтение отдавалось именно тому, где рема находится в конце высказывания.

Кроме того, более высокая, чем в ИТ степень категоричности ПТ приводит к тому, что читатель иначе – более негативно – воспринимает описываемые в произведении события, ситуации, действия и поступки героев, то есть оцениваемый объект приобретает более ярко выраженные негативные для реципиента черты, например:

ИТ	ПТ1	ПТ2
<i>Ich muss sagen, Ihr versteht Euch auf das Berraschen</i> [8, с. 327]	Должен сказать, что вы умеете ошеломить человека! [9а]	Ну и мастер же вы, скажу я вам, делать сюрпризы [9б, с. 341]

Степень категоричности ИТ и ПТ1 приблизительно одинакова, в то время как в ПТ2 за счет прямой номинации субъекта в субстантивном предложении, в котором лексема оценочной семантики занимает предикативную позицию (*вы – мастер*), высказывание воспринимается как более категоричное. С точки зрения переводческих стратегий данное высказывание ИТ получает в ПТ2 более высокую степень категоричности за счет функционально-адекватной замены (*sich etw. auf das Berraschen verstehen => быть мастером делать сюрпризы*) и стилистической трансформации, в результате которой предложение получает иную степень стилистической окраски. Примером повышения степени категоричности высказывания ПТ также может быть следующий:

ИТ	ПТ1	ПТ2
<i>Es hatte ihn nicht gebrochen, er hatte es bewältigt und seine Art von Haltung gefunden und bewahrt, es war eine würdige Haltung, aber eine ernste, schwere, melancholische</i> [8, с. 280]	Но и этот удар не сломил его, он сумел от него оправиться и нашел в себе силы сохранить самообладание, держался достойно, что, однако, давалось ему с превеликим трудом и отчего он встал в постоянную меланхолию [9а]	Она ... не сломила его, он осилил ее и сумел сохранить достоинство, но это было суровое, тяжелое, полное грусти достоинство [9б, с. 287]

Высказывание ПТ2 сохраняет ту же степень категоричности, что и в ИТ, в то время как в ПТ1 с помощью аффективного прилагательного (*превеликий*) и прилагательного со значением генерализации (*постоянный*) достигается достаточно высокая – превышающая ИТ – степень категоричности высказывания.

Постичь смысл, раскрыть идеи и концепцию литературного произведения до конца не представляется возможным, поскольку смысловой потенциал, заложенный в произведении, актуализируется поэтапно, рассматривается как исторически форми-

рующаяся целостность. Но это не означает, что трактовки одного текста может быть бесконечное количество, поскольку автор так или иначе (предисловием, комментариями, доминирующей интенцией текста, выбором жанра, принадлежностью к определенному эстетическому направлению и т.д.) задает границы, в которых его произведение может быть интерпретировано, поэтому реципиент «неизбежно будет находиться в организованном писателем пространственно-временном плену» [6, с. 106].

Обозначенные выше причины подтверждают, что ПТ не способен заменить ИТ «во всех мыслимых ситуациях» [10, с. 47], и это совершенно естественно. Исходя из того, что переводчик не может предусмотреть все ситуации общения, в которых будет применяться ПТ, и потребности, на основании которых к этому тексту обращаются (получить полезную информацию, эстетическое наслаждение и т.д.), мы, вслед за Л.К. Латышевым и А.Л. Семеновым, полагаем, что качественный ПТ способен заменить ИТ «в как можно большем количестве ситуаций» [там же].

Поскольку текст представляет собой общение особого рода, ПТ должен выполнять функцию, близкую к той, которую выполняет ИТ в рамках своей лингвокультуры. Такой функцией является вызов определенного коммуникативного эффекта, следствием которого является потенциальное приобретение новой информации, суждений, взглядов на какую-либо проблему, возникновение того или иного эмоционального состояния [там же, с. 57]. Иными словами, ИТ и ПТ должны быть эквивалентными, равноценными не только по своим внутренним свойствам, но и по регулятивному воздействию на реципиентов, т.е. обеспечивать одинаковый психологический и эстетический эффект [там же, с. 30].

Задача переводчика – передать читателю не только образ мира, который создан писателем, дух произведения, но и отразить личность автора как носителя определенной лингвокультуры, найти функциональное соответствие каждому авторскому приему, благодаря которому конструируется фиктивная реальность. По этой причине переводчику необходимо владеть не только двумя языками – родным и иностранным, – но и обладать экстралингвистическими (фоновыми) знаниями, т.е. знаниями о мире, о культурных традициях, об исторических событиях, в которых создавался ХТ, а также общепринятыми оценками различных явлений прошлого и настоящего [11; 12].

Фоновые знания формируют в сознании индивиду своего рода когнитивную базу – структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета [13, с. 164]. Когнитивная база, по мнению В.В. Красных, является ядром культурного пространства. В сознании индивиду культура существует в форме именно национально-культурного пространства, которое включает в себя все существующие представления членов лингвокультурного сообщества о феноменах культуры, в том числе и о ценностных ориентациях, осознаваемых не всегда как таковые носителями культуры [14].

Очевидно, что предшествующий опыт представителей каждой национальной культуры различен и так или иначе зафиксирован в языке этого народа, ведь каждый язык отражает его (народа) способ восприятия действительности, специфику видения мира, т.е. картину мира. Безусловно, каждый человек со своими биологическими (например, тип нервной системы), психологическими (например, темперамент), интеллектуальными и некоторыми другими характеристиками индивидуален, но индивидуальная картина мира конкретного субъекта культурно детерминирована картиной мира, разделяемой всеми представителями соответствующей лингвокультуры, и представляет собой ее интерпретацию – одну из множества возможных, т.е. является вариантом инварианта [13, с. 171].

Текст выступает как фрагмент специфической картины мира. Вербальный код позволяет довольно полно и точно зафиксировать и передать особенности мировосприятия, поэтому текст до сих пор является одним из самых надежных источников и способов познания мира [там же, с. 173].

Наличие особенностей категоризации и концептуализации мира у всех представителей каждой конкретной культуры может препятствовать адекватной передаче авторского замысла, языкового своеобразия произведения, особенностей организации текста и создания образов, передаче культурно-специфической лексики и т.п. Следовательно, без познания существующего у представителя любого этнокультурного общества видения мира невозможно не только его понимание и осмысление, но и его передача членам других лингвокультур, его адекватная интерпретация.

Из сказанного следует, что одним из условий наиболее полного соответствия ПТ тексту-подлиннику можно назвать владение фоновыми знаниями, которые чрезвычайно важны для передачи аксиологических смыслов ХТ и в целом для понимания смысла ИТ, складывающегося «из актуализированных языковых значений и когнитивных дополнений (экстралингвистических элементов)» [15, с. 50]. Таким образом исключаются чисто языковые трансформации как основа процесса перевода, поскольку они не учитывают внесловесную действительность. Кроме того, все элементарные смыслы, участвующие в выражении какой-либо идеи с помощью языка, настолько связаны между собой, что их непарное и изолированное существование в принципе невозможно [7, с. 62]. Это связано с тем, что мы воспринимаем не значения отдельных слов, а смысл высказывания целиком.

Обобщая изложенные выше положения, подчеркнем, что необходимым условием декодирования информации – фактической, эстетической, эмоциональной и др., зашифрованной в тексте, является знание переводчиком текста-источника как средства, фиксирующего знания о фрагменте мира. Сравнение ИТ и ПТ дает информацию об универсальных и специфических закономерностях аксиологической категоризации знаний о мире и позволяет понять, распознают ли носители другой культуры ценностно-значимые сведения, принципиальные для рецепции художественного произведения, приобретают ли эти смыслы ту же значимость для реципиента ПТ, что и для реципиента ИТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во ЛИБРОКОМ, 2009. – 208 с.
2. Бабушкин, А.П. Перевод художественного текста как культурная адаптация картины, мира [Электронный ресурс] / А.П. Бабушкин, М.Т. Жукова // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. тр. / В.Б. Капкин (ред.). – Вып. 1. – Воронеж : ВГУ, 2001. – Режим доступа: http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_1_2001/apbabushkin_mtzjukova_perevod_hudozhestvennogo_proizvedeniya_kak_kulturnaya_adaptatsiya/ (дата обращения: 4.07.2014).
3. Изард, К.Э. Психология эмоций [Текст] / К.Э. Изард. – СПб. : Питер, 1999/2007. – 983 с.
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер Ком, 2000. – 712 с.
5. Никитченко, Т.Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале перевода) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. / Т.Г. Никитченко. – Краснодар, 2000. – Режим доступа: <http://31f.ru/dissertation/page,2,222-dissertaciya-subektivnyj-faktor-v-xudozhestvennom-tekste-lingvisticheskij-i-psixologicheskij-aspektu-na-materiale-perevoda.html> (дата обращения: 20.12.2011).
6. Моташкова, С.В. Специфические перлокутивные свойства художественной информации и процесс коммуникации в эстетическом дискурсе [Текст] / С.В. Моташкова // Эссе о социальной власти языка / под общ. ред. Л.И. Гришаевой. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 103–112.
7. Фененко, Н.А. Язык реалий и реалии языка [Текст] / Н.А. Фененко; под ред. проф. А.А. Кретьева. – Воронеж : ВГУ, 2001. – 140 с.
8. Hesse, H.: Игра в бисер: Книга для чтения на немецком языке / Н. Hesse. – СПб. : Антология, КАРО, 2006. – 480 с.
9. Гессе, Г. Игра в бисер [Электронный ресурс] / Г. Гессе; пер. с нем. Д. Каравкиной, В. Розанова. – М., 1969. – (www.lib.ru/hesse.GPS.html, 30.11.2005 13:17).
10. Гессе, Г. Игра в бисер : роман [Текст] / Г. Гессе; пер. с нем. С. Апта. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 496 с.
11. Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания : учебное пособие для студентов переводческих факультетов высших учебных заведений / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
12. Шабес, В.Я. Событие и текст [Текст] / В.Я. Шабес. – М. : Высшая школа, 1989. – 250 с.
13. Цурикова, Л.В. Социально-культурная обусловленность знания и анализ дискурса в межкультурной коммуникации [Текст] / Л.В. Цурикова // Вестник ВГУ; Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2, 2001. – С. 13–20.
14. Гришаева, Л.И. Картина мира как проблема гуманитарных наук [Текст] / Л.И. Гришаева, М.К. Попова // Картина мира и способы ее репрезентации : сборник научных трудов / ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 326 с.
15. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации [Текст] / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2001. – 270 с.
16. Бодрова-Гоженмос, Т.И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции [Текст] / Т.И. Бодрова-Гоженмос // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. трудов : в 2 ч. – Вып. 7. – Ч. 1. – Воронеж : ВГУ, 2006. – С. 42–52.